

С т а т ь и

**ТИП ПОДЪЯЧЕГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII ВЕКА (I)****Ирина Куликова**Вильнюсский педагогический университет
Кафедра русской литературы

В русской сатирической типологии XVIII столетия подъячий является, пожалуй, самым распространенным типом. Соперничать с ним в этом плане может только судья. Этимологически это слово является производным от «дьяк» и означает «находящийся под дьяком», то есть в ведении, под началом дьяка. Оно отражает одну из должностей в чиновничьей иерархии, сложившейся еще в государственной структуре Московской Руси в XV–XVI вв., – в системе так называемых приказов, ведавших различными сторонами жизни страны. Административно-канцелярский аппарат каждого приказа состоял из судьи (начальника приказа), дьяка, занимавшегося письмоводством, секретарскими обязанностями и бывшего по сути правителем приказной канцелярии, и его помощников – подъячих, в основном писцов, занимавшихся переписыванием бумаг, выписками из служебных дел, составлением записок и прочей мелкой канцелярской работой. Одновременно долж-

ность подъячего была введена и в местных администрациях (при воеводе). С усложнением управленческих структур центральных, а затем и местных государственных учреждений и соответственно письменного канцелярского делопроизводства увеличивался и штат дьяков с подъячими. В среде последних возникла собственная иерархия (старшие, средние и младшие подъячие), каждый уровень которой имел свою канцелярскую специализацию. Много подъячих было в судебной сфере, также отличавшейся большим объемом письменной документации. Без подъячих невозможна была работа ни одного учреждения, они были всюду – в приказах, судах, палатах, канцеляриях. По сути, подъячие являлись винтиками огромной государственной машины, без которых она не могла бы функционировать.

К началу XVIII в. подъячие (и шире – все приказно-судейско-канцелярские служители) составили целый социальный слой, который в официальном и повсе-

дневном быту именовался приказным. Это название, как и обозначение любого канцелярского служащего «приказным» (как субстантивное существительное), сохранялось в обыденной речевой практике в течение всего XVIII в., несмотря на отмену приказов Петром I и введение новых европейских наименований для чиновных должностей (так, например, слово «секретарь» постепенно вытеснило слово «дьяк»). Подобное расширение семантики прослеживается и при употреблении слова «подьячий»: в литературных текстах XVIII в. оно, наряду с обозначением собственно подьячего, может относиться к любому канцеляристу.

Подьяческая среда была особым миром со своими порядками и нравами. Организующей идеологией этого мира было понимание государевой службы как источника личного обогащения. Оно было выработано всем ходом формирования административно-управленческого аппарата в Московском государстве и связано с феодальной системой «кормлений». Следствием такого отношения к службе было вымогательство взяток у просителей по принципу «чем больше, тем лучше». «Лихоимство уходило корнями в систему кормлений, существовавшую в XVI–XVII веках, – пишет по этому поводу крупнейший знаток русской истории XVIII в. Н. И. Павленко, – когда управляемое население должно было содержать воеводу и его аппарат, а также в практику послепетровского времени, когда канцелярской мелкоте вместо выдаваемого жалованья официально разрешали брать подношения от

челобитчиков» (Павленко 1999, 81). Каждая услуга имела свою расценку, которую всегда можно было завысить путем умышленного затягивания решения дела. Ради корыстного интереса приказные служители (особенно в судах), прибегая к различным видам канцелярского крючкотворства, могли выиграть любое дело, благо неупорядоченность российского законодательства это позволяла. «Единственное имевшееся тогда собрание законов – “Уложение” царя Алексея Михайловича 1649 года – совершенно устарело, но ничем подобным заменено не было. Деятельность созданной Екатериной II Комиссии по составлению нового Уложения ни к чему не привела. В то же время новые законы, в большом числе введенные в действие Петром I (“Артикул воинский”) и вводившиеся его преемниками, и в особенности многочисленные высочайшие указы, также приобретавшие силу законов, никак не были упорядочены, систематизированы, приведены в соответствие друг другу. Зато “чернильные гадушки” [выражение А. И. Герцена. – *И.К.*] в этом мутном и безбрежном море чувствовали себя как рыба в воде, получая полную возможность искусственно осложнить и запутать любое дело, чтобы при удобном случае ловко подобрать какой-либо подходящий указ и решить его в пользу того, кто смог щедрее оплатить их услуги» (Русские драматурги 1959, 367).

В подьяческом обиходе сложилась своя особая, вкрадчиво-наглая манера общения с нуждающимися в их услугах людьми, выработался свой стиль поведения и своеобразный язык, отличавшийся

обилием канцеляризмов в лексиконе и фразеологии.

Мелкий канцелярист, подьячий в действительности был важной фигурой, поскольку все дела в учреждении шли через него. Именно с ним приходилось сталкиваться просителю чаще всего, от него же в немалой степени зависел ход дела. Общение с подьячим для подданных российской короны было явлением обыденным: в течение жизни большинству из них приходилось хоть раз обращаться в то или иное казенное ведомство по гражданским либо уголовным делам. «Выправка» любого документа (будь то оформление удостоверения личности или купчей, составление родословной или завещания, бумаг по вопросам землевладения и имущества и т.д. и т.п.) была невозможна без участия подьячего. С ним как с государственным служащим приходилось иметь дело представителям разных сословий – дворянам, купцам, мещанам, некрепостным крестьянам. Эта общественная значимость подьячего отразилась в народных пословицах и поговорках, зафиксировавших его характерные черты: «Подьячего бойся и лежачего!», «Подьячий любит принос горячий», «Подьячий и со смерти за труды просит», «Солдатский ответ – сейчас, подьяческий – завтра», «Кто подьячего обманет, тот трех дней не проживет», «Придирчив, как приказный», «Приказный черту брат», «Приказный проказлив: руки крюки, пальцы грабли, вся подкладка один карман».

Лихоимство и крючкотворство подьячих сделали их (наряду с судьями)

постоянным объектом сатирического осмеяния. Начиная с народной сатиры XVII в., заложившей основные принципы их изображения, тип подьячего становится сквозным для русской литературы вплоть до начала XIX ст. Но наиболее детальную разработку он получает в произведениях XVIII в., причем преимущественное внимание в них уделяется подьячему из судебных учреждений.

Первым к изображению этого типа обратился в своих сатирах А. Д. Кантемир. Теоретически же его узаконил А. П. Сумароков, в «Епистоле о стихотворстве» (1747) которого подьячий назван первым в перечне комедийных типов:

Представь бездушного подьячего в приказе...

и третьим (после «тщеславного лицемера» и «льстеца») рекомендуемым типом для жанра сатиры, причем в данном случае он представлен описательной характеристикой и увязан с типом судьи:

Набитый ябедой прехищный душевредник
Старается, чтоб был у всех людей наследник.
И, что противу прав, заграбив, получит,
С неправедным судьей на части то дельт.
(Сумароков 1957, 121)

В сумароковском описании перечислены основные структурные черты подьячего как сатирического типа: бездушие, крючкотворство («набитый ябедой»), хищничество («прехищный душевредник»), непомерная алчность («старается, чтоб был у всех людей наследник»), противозаконность служебной деятельности в целях личного обогащения («что противу прав, заграбив,

получит»), корпоративный союз с судьей в незаконных действиях («с неправедным судьей на части то делит»). Сам же Сумароков в своем сатирическом творчестве дал наиболее законченные образцы этого типа, поведя самую настоящую, по выражению В. Г. Белинского, «войну против подьячих», основанием для которой во многом стали личные счеты писателя с «крапивным семенем». Кроме Сумарокова к типу подьячего в той или иной степени обращаются такие авторы, как Ф. Э. Эмин, В. И. Майков, А. А. Волков, И. И. Хемницер, А. О. Аблесимов, М. И. Попов, В. Приклонский, Я. Б. Княжнин, Д. И. Фонвизин, М. Д. Чулков, М. И. Веревкин, В. А. Левшин, Н. П. Николаев, А. А. Ржевский, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, Г. Р. Державин, В. В. Капнист, А. Н. Радищев, М. А. Матинский, Н. И. Страхов, Н. Ф. Эмин, Д. П. Горчаков, И. Нехачин, П. А. Кропотков и ряд неизвестных авторов; значительное место занимает обличение подьячих в сатирических журналах, и прежде всего, Н. И. Новикова. В литературной обрисовке подьячества в XVIII в. впечатляет не только количество авторов, разных по своей идейной и эстетической ориентации, но и многообразие используемых ими жанровых форм: стихотворная и прозаическая комедии, комическая опера, стихотворная сатира, басня (притча), сатирическое письмо, сатирическая ода, сатирический диалог, эпиграмма, хор, эпитафия, сатирико-нравоописательный очерк, сатирический словарь, пародийный лечебник, сатирическое стихотворное послание,

ирои-комическая поэма, пародийно-сатирические ведомости, сатирико-утопический сон, сказка, роман, повесть.

В произведениях XVIII в. подьячий прежде всего предстает как **взяточник**. Это главная его типическая, можно сказать, репрезентативная черта. Так, взяточником является безмянный Подьячий из комедии Сумарокова «Тресотиниус» (1750), нагло выпрашивающий себе «запасу» [продукты питания. – *И.К.*] у офицера Брамарбаса, привезенные тому «из вотчин». Взятками нажил себе состояние за время службы в приказе ростовщик Богатон из комедии Волкова «Чадолубие» (1788). Умеет себе взятками «хлеб нажить» Клим Аксентьевич Удадьцов, «канцелярист в должности секретаря», выходец из духовного сословия, из комедии Веревкина «Точь-в-точь» (1785), фарисейски оправдывающий свое взяточничество христианской моралью: «Священницы от престола Божия, а приказные служители от челобитчиков получают пищу, и тако пойдем ... творити суд людям Божиим; а потом, авось, пред трапезою возымеем резонт возгласити сице: хлеб наш насущный дал Ты нам днесь» (Веревкин 1785, I,3)¹ Милостью Божией считает взятки и Урываи Алтынников, «с приписью подьячий»² из более ранней комедии Веревкина «Так и должно» (1773).

¹ Цитаты из текстов комедий, изданных в XVIII в., приводятся с указанием цифровых обозначений действия (римская цифра) и явления (арабская цифра), если комедия многоактная, и только явления, если комедия одноактная. При цитировании комедийных текстов, изданных в XX ст., указываются только страницы издания.

² По В.Далю, «подьячим с приписью» назывался подьячий, «скреплявший бумаги, подписываясь ниже».

Как отличительная черта подьячего взяточничество отмечается не только при изображении его как персонажа, но и при обобщенных характеристиках приказно-канцелярских нравов. В комедии Сумарокова «Чудовищи» (1750) слуга Арлекин, наслышанный, «что приказной порядок в приказы безденежно впускать запрещает», сомневается, впускать ли ему даже судей, «ежели они ничего ... с собою не принесут» (Сумароков 1990, 325). В разъяснении аллегории сумароковской притчи «Шершни» (1762) сообщается, что «Шершни – подьячие, которы к деньгам падки» (Русская литература XVIII века 1970, 116). В «Послании к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Фонвизина (1760-ые гг.) утверждается:

До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
(там же, 290)

Вдова в басне Хераскова «Вдова в суде» (1760), оставшись без деревень по вине злых людей и живя подаванием, не видит смысла в обращении в суд: «Подьячие берут, так с чем я поделюсь?» (там же, 141). Сатирический рецепт из пародийного лечебника Страхова (1790) констатирует: «Склонность ко взяткам есть столь опаснейшая болезнь, что когда она вскоре не захватят, то человек рано или поздно погибает. Сия болезнь большею частию бывает у приказных. У писарей начинается она так называемой попрошайностью, а у судей судорогою, корчащею обе руки всегда на ту сторону, с которой подают им взятки...» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 69). Крестьянин Ефрем из комической оперы

Попова «Анюта» (1772) не видит никакой пользы в существовании судей и подьячих:

Ведь только-де они бумагу лишь морают
Да взятки и с живых и с мертвых собирают.
(Стихотворная комедия 1990, 101)

Тексты XVIII в. пестрят количественными обозначениями денежных сумм взяток, как и сумм, нажитых за определенное время подьяческой службы. Едва ли их все можно считать сатирическим преувеличением. Так, в одном из «Разговоров мертвых» Сумарокова (1759) Господин, он же судья, раскрывает систему распределения денег между судебными чиновниками: «Когда я дело вершу и доставлю человека десятками тысячами рублей, так убыточно ли ему, когда он десятою частью за то меня подарит, да двадцатую часть за труды даст подьячим?» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 28–29). В эпиграмме на подьячего (1759) Сумароков приводит годовую сумму подьяческого «дохода» в «сто тысяч рублей» (Сумароков 1957, 257). В комической опере Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор» (1779) «отставной регистратор» Крюкодей похваляется:

Я мужика в один миг подцепил,
Сорок алтын с него разом схватил.
(Русская литература последней четверти XVIII века 1985, 51)

Богатон из комедии Волкова «Чадолубие» сетует о потере «чистых денег» двух тысяч «рублев», которые он «пóтом и неусыпными трудами, будучи еще в Приказе, нажил» (Волков 1788, 4). Писарю-подьячему из комедии Н. Эмина

«Знатоки» (1788) за время службы удалось скопить трудами «именьице».

Единицей «оплаты» подьяческой услуги был обычно алтын, серебряная монета в 6 денег или в 3 копейки; давать меньше алтына было не принято. В комической опере Попова «Анюта» собирающийся ехать в город деревенский староста предлагает крестьянам «кладчину положить: алтын хоть по пятку» на «поклон» [это слово часто выступало синонимом взятки. – *И.К.*] подьячему по поводу рождения у него сына. Крестьяне отказываются по причине голода и предлагают более чем вдвое снизить побор с человека:

Так будет-де с души копеек и по шти
[шести. – *И.К.*],

Так станет и того довольно псам на шти
[щи. – *И.К.*].

Но и эта сумма складчины представляется крестьянину Мирону большой, на что батрак Филат разъясняет, что подьячему пойдет «пять рублей; а досталь на харчи, да на других судей». Из его же слов выясняется, что некий «Ефрем боло судил и гроша [медная монета в 2 копейки. – *И.К.*] не давати», считая подьячих бесполезными для «добрых людей» (Стихотворная комедия 1990, 100, 101).

С повышением чиновного статуса такса возрастала. Левшин в одной из своих «Русских сказок» (1780-1783) фиксирует это изменение расценок в судебной сфере: «Всякое ремесло имеет расположение и мало-помалу доходит до совершенства. Например, подьячий, притесняя чело-битчиков, берет сначала только алтынами; достигнув в секретари, счет его состав-

ляют рубли. А если учинится он судьей, что и необходимо с теми, кои искуснее грабили, тогда уже целые мешки управляют его совестью» (Повести разумные и замысловатые 1989, 462).

Счет подьяческих взяток на алтыны обусловил народные прозвища подьячих – «алтынники» [просторечное название алтынной монеты. – *И.К.*], «урывай-алтынники».³ Последнее отражено в имени и фамилии одного из самых ярких персонажей-подьячих в русской комедии XVIII в. – Урывая Алтынникова из комедии Веревкина «Так и должно». Подьяческая символика алтына стала основой сатирической басни А. Н. Нахимова «Ассигнация и Алтын» (1815), в которой на спесивые претензии пятирублевой «синей бумажки», считающей ниже своего достоинства находиться «в подьяческой мошне» вместе с алтыном, тот отвечает:

Давно уже слывут алтыны господами:
Дружилися они с дьяками
И через частое, различно сватовство
Вступили в близкое с подьячими родство;
Старинное свое прозвание им дали,
И многим вотчины алтыны отказали!
Я братец внучатный хозяину мошны;
Мы оба искренно друг в друга влюблены,
Мы оба совестью славны,
И оба мы достоинства равны.
(Русская басня 1966, 255)

Получили отражение в литературе и факты увеличения запросов подьячих. Так, в комедии «Философы по неволе»

³ Даль в своем словаре приводит это прозвище применительно к подьячему с приписью: «Подьячий, с приписью: урывай-алтынник».

(1787) слуга Лазарь, сравнивая современное ему подьячество со старым, вынужден констатировать: «Нет на свете досаднее, как иметь дела с подьячими: они еще хуже, нежели в старину бывали. Тогда не получали они жалованья, а бирали за честные свои труды, называя акциденциею. Еще совестнее были! ныне на малое число денег и глядеть не хотят. Сего дня мой любезный господин посылал меня в одно приказное место поговорить с одним из сих животных. Первое ко мне было слово: дай, потом посмотрим. А как по первому дал ему империял [золотая монета достоинством в 10 рублей. – *И.К.*], то слышал, что мало» (Философы по неволе 1787, I,1).

В произведениях XVIII в. отмечаются не только взятки деньгами, но и натуральные подношения продуктами питания, одеждой, вином. Как иронически утверждается в поэме В. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вах» (1771):

Вольно ведь, например, подьячих облыгать,
Что будто все они на деньги очень падки,
А это подлинно на них одни нападки,
Не все-то деньгами подьячие дерут,
Иные овсецом и сахарцом берут,
Иные платищем, винцом и овощами,
И мягкой рухлядью [пушшиной. – *И.К.*], и
разными вещами.

(Русская литература
XVIII века 1970, 236)

В «Повести о новомодном дворянине» Левшина говорится о подьячих, «кои нарочно для того ездят по деревням, чтоб найти причину к чему-нибудь привязаться и после, забрав крестьян в город, слупить с них лишнюю за расходом четверть хлеба или тушу свиного мяса»

(Повести разумные и замысловатые 1989, 474). Подьячий в романе М. Комарова о Ваньке Каине (1775) готов оправдать «мошенника, вора и разбойника» Ваньку за кафтан с камзолом.

Синонимом понятия взятки в текстах XVIII в. часто выступает слово «акциденция», обозначавшее (особенно в первой половине столетия) доходы чиновников, не получавших жалованья, от подношений просителей. Это слово часто вводится в речь персонажей-подьячих. «Я, ваше благородие, подьячий, сиречь такой человек, который будучи на земле, сидел день и ночь в приказах, со всех брал акциденцию...» – характеризует себя подьячий в одном из «Разговоров в царстве мертвых» Приклонского (1761) (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 34). «Акциденция» становится также предметом разных сатирических толкований. Так, Сумароков в «Письме о некоторой заразительной болезни» (1759) язвительно замечает: «У дедов наших было имя сей болезни взятки, а мы, просветившиеся учением, даем ей имя латинское Акциденция. <...> В здешних областях началась скорбь сия подьячими». Заканчивается письмо констатацией того факта, что взяточничество чиновников в Российской империи приняло характер повальной эпидемии: «Язва Акциденции день от дня преужасно размножается, и число больных неописанно велико, а ежели не употребятся к тому способы, чтоб оную болезнь истребить, так последует неизлечимое разоренье» (Русская литература XVIII века 1979, 237, 239). В толковании «акциденции» в «Опыте вещественного рос-

сийского словаря» неизвестного автора (1791) приводятся показательные примеры, разъясняющие это понятие: «Слово оригинально не русское, но от долгого употребления совершенно обрусевшее, так что никакой искусный грамматик из языка нашего не может оно выгнать. <...> означает оно оброк или пошлину с имеющих в судах дело; но прямое значение его есть то, чтоб искусно пообедать у просителя; причем учтивый хозяин, наблюдая честь посетителя, должен и проиграть известное число в карты...» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 165).

В изображении авторов XVIII в. понятия «подьячий» и «взяточник» предстают настолько тождественными и взаимозаменяемыми, что страсть подьячего к мздоимству становится приемом сравнения для обозначения чего-то неизменного, само собой разумеющегося, или для подчеркивания интенсивности какого-либо чувства; причем это уподобление, как правило, стоит в ряду с другими такими же, безусловными по своему смыслу, сравнениями. Расставаясь с читателями «Трутня» (1770, лист XVII), Новиков пишет: «<...> но печаль затмевает рассудок, с какою скорбью возможно сравнить печаль мою, не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею, не столько бесился подьячий, как читал указ о л и х о и м с т в е, повелевающий им со взятками навсегда разлучиться, не столько печалится иезуит, когда во весь год не продает ни единому человеку отпущения грехов...» (Новиков 1951, 246). Тот же прием использован и в

обращении к читателям в журнале «Пустомеля» (1770): «Многие из вас столько жадны к новостям, сколько подьячие ко взяткам, щеголи и щеголихи к новым модам и кокетки к волокитству...» (там же, 253). В комедии «Перемена в нравах» (1789) слуга Проворов, объясняясь в любви, выражает ее силу с помощью следующих сравнений: «(в задумчивости) Постой... постой, насилу поймал. Люблю тебя так, как пьяница пить, как игрок играть и как старинной подьячий взятки брать» (Перемена в нравах 1789, II, 2). К этому же сравнению прибегает и Капнист в сатире 1780 г., подчеркивая невозможность для себя отказаться от обличения пороков:

Чтоб, видя глупости одних, других пороки,
Я стал молчать? нет, нет; скорый отсрочив
сроки,
Не станет ростовщик на росты росты драть,
Скорый подьячие не станут взятки брать <...>
Чем правдой мой язык их уличать устанет.
(Русская литература
XVIII века 1970, 481)

И наоборот, честный подьячий как явление в принципе невозможное становится знаком идеального, утопического мира, как в «Другом хоре ко превратному свету» Сумарокова (1763):

За нос там судей писцы не водят.
Сахар подьячий покупает.
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют.
(Сумароков 1957, 279)

К образу честного подьячего Сумароков обращается и в сатире «Кривой толк» (1759), иронически описывая беспорочную жизнь в России, когда:

Не будет пьяница пить, кроме только квасу,
Подьячий за письмо просить себе запасу ...
(там же, 183)

Российские правители постоянно боролись с чрезмерным взяточничеством чиновников, но отсутствие контроля за их деятельностью и нежелание вводить должную оплату за труд обесценивали все законодательные усилия власти. Ко времени воцарения Екатерины II чиновничье лихоимство приняло настолько массовый характер, что, едва взойдя на трон, Екатерина была вынуждена среди первых своих указов издать указ, запрещающий брать взятки под угрозой наказания. Этот указ от 18 июля 1762 г., вначале серьезно напугавший чиновников, но на деле также оставшийся малоэффективным, отразился во многих произведениях с судебноподьяческой тематикой. В некоторых из них верно-подданнически отмечается действенность принятых мер. Так, «старинный подьячий» Крючкодей из «Санкт-Петербургского гостиного двора» Матинского досадует на наступившие тяжелые времена:

Ах! что ныне за время?
Взяток брать не велят,
Штрафованьем грозят,
Переводится племя
Стародавних писцов.

(Русская литература последней четверти XVIII века 1985, 51)

В пародийном лечебнике Страхова утверждается, что «от толь ядовитой болезни», как лихоимство, «многие излечиваются с успехом чтением закона о взятокбрателях» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 69).

Однако в большинстве текстов рисуется другая картина. В одном из «Разговоров мертвых» Чулкова (1769) говорится: «Подьячих у нас и жесточее наказывают за взятки, однако некоторые из них и ныне брать не перестают» (там же, 39). Несмотря на указ продолжает считать прибыльной приказную службу дядя, письмо которого к племяннику приводится в новиковском «Трутне» (1769, лист II): «Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку. Каково ж нажиточно бывало прежде, сам рассуди, нынешние указы много у нас отняли хлеба!» (Новиков 1951, 49). Особенно показательна в этом плане басня Аблесимова «Приказная уловка», опубликованная в 1781 г., но написанная, по всей видимости, гораздо раньше. В ней утверждается фактическое бессилие закона перед лихоимством подьячих, способных своими уловками обойти любой указ:

Хоть с первых дней указ подьячих испужал,
Да брать им за труды никак не удержал!
Приказный выдумал тотчас такие хватки:
Как брать тайком им взятки,
Дабы просильщикам о том не докучать,
А прибыль получать.

(Русская басня 1966, 140)

Приказные уловки тайной, и, следовательно, недоказуемой, взятки, описанные далее, полностью совпадают с примерами акциденции, приводимыми в «Опыте вещественного русского словаря»: «просильщик» должен при-

гласить приказного к себе в дом на обильный обед с возлияниями и проиграть ему в карты ту сумму, «что вычислил писец с просильщика содрать» (там же). Басня Аблесимова содержит и выпад против другой позиции императрицы, декларированной ею в журнале «Всякая всячина» (1769). Она знаменовала перевод болезненной социальной проблемы в сферу христианской этики и объяснялась пониманием властью невозможности ее решения в тогдашних российских условиях в силу финансовых, социальных и психологических причин. «Екатерина прекрасно знала, что если убрать одного взяточника, то его место займет другой» (Лотман 1997, 44). Излагая свою позицию по лихоимству подьячих, императрица переложила вину на просителей, искушающих чиновников взятками: «Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей, не умилилася ли бы тогда и на них жалоба». Избавиться от подьяческих вымогательств, по мнению Екатерины, можно «весьма легко»: «Не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем полюбовно миритесь без подьячих, сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот» (Русская литература XVIII века 1979, 356). Выступая против подобной трактовки проблемы, Аблесимов в своей басне напомнил, что взяточничество – в природе подьяческого чина:

Как в свете жив, нельзя порока избежать, <...>
 Так точно всякого подьячего от взятки
 Не можно вовсе удержать...
 (Русская басня 1966, 140)

Мысль «Всякой всячины» о том, что подьячие берут взятки только по той

причине, что их «искушают» челобитчики, вызвала и отповедь Новикова. В письме к издателю «Трутня» (1770, лист XI) его автор подробно изображает отношение к себе подьячих одной московской коллегии, куда он обратился по «самому бездельному делу» – подписать подорожную. Думая потратить на это «четверть часа», N. N. был вынужден провести в коллегии несколько часов, пытаясь найти нужного чиновника, пока, «ходя по разным мытарствам и слушая бесконечные за в т р а, обыкновенные ответы докучливым челобитчикам, с превеликим трудом получил милостивое решение, не могли без того обойтись, чтоб не заплатить за труды моим почтенным докладчикам» (Новиков 1951, 223). При этом N. N. испытывает еще и насмешки со стороны приказных служителей, предстоящих в его описании сплоченной корпоративной силой, действующей по своим заведенным законам. Письмо воспринимается как бытовая зарисовка с натуры, достоверность которой, помимо точности деталей, подтверждается личным свидетельством автора, давшим себе после случившегося «клятвенное обещание не входить ни за чем в места, определенные для правосудия» (там же).

В произведениях XVIII в. подьячий-взяточник нередко приравнивается к вору, сопоставление с которым имеет целью не только квалифицировать его как преступника, но и требовать для него сурового наказания. Сумароков, говоря о подьячем, «исправно с году» собирающем сто тысяч рублей «доходу», задается вопросом: «Честной ли человек подьячий тот иль вор?» (Сумароков 1957,

257). Подьячий в басне В. Майкова «Вор и Подьячий» (1766) назван «воришкой», потому что его взятки «почесть разбоем можно»; в этой басне вор не видит никакой разницы между собой и подьячим:

Разбойник я ночной,
А ты дневной; <...>
С тобою мы равны, хоть на весах нас
взвесить,
И если должно нас, так обоих повесить.
(Русская басня 1966, 97, 98)

Вторая важнейшая черта подьячего как литературного типа – **крючоктворство**, то есть умение «строить крючки, прицепы, пролазничать лукавыми изворотами в исках, тяжбах, приказных делах» (Даль).

Применительно к подьячим слово «крючок» стало использоваться сначала, по всей видимости, из-за особенностей их почерка. В авторском примечании к стихам своей I сатиры

Писец тужит, за сукном что не сидит
красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным

Кантемир замечает: «Наши подьячие, когда пишут, об одном только тщатся, чтоб письмо их было четко и красиво; что же до правописания касается, так мало к тому прилежат, что и не нужно то чают...» (Русская литература XVIII века 1970, 62, 64). Под красотой письма разумелось тогда особое графическое выписывание некоторых букв – с росчерками, крючками, завитушками. Такой декоративный почерк имел свое назначение: исходящая из казенного учреждения бумага как официальный документ должна была отличаться от прочих. О письме с крючками как отли-

чительной особенности приказного почерка неоднократно упоминает Сумароков. Обращаясь к детям профессора Крашенинникова, он пишет:

Когда б ваш был отец приказный человек,
Так не были бы вы несчастливы вовек,
По гербу [гербовой бумаге. – И.К.] вы бы
рцы [букву Р, означавшую
«решено». – И.К.] с большим писали крючком,
В котором состоят подьячески умы...
(Сумароков 1957, 298)

Приобретя переносное, метафорическое значение, слово «крючок» стало обозначать придирку, изворот, ябеду, ухищрение в деле (обычно в судебном), придание ему кривого направления; а затем – и самого подьячего, цепляющего этими ухищрениями челобитчика с целью получения взятки. Именно так и представляет себя Крюккодей из «Санкт-Петербургского гостиного двора» Матинского:

Я крючок,
Я сучок,
Хамка [по Далю: *детс.* собака; от хамкать –
есть, жевать; кусать],
Амка [по Далю: *детс.* собака, пес; от амкать –
съесть, кусать, укусить],
Я волчок [по Далю: тумак, помесь от волка и
собаки],
Я придираюсь,
Я прицепляюсь...
(Русская литература последней
четверти XVIII века 1985, 50–51)

Происхождение подьяческого крючоктворства сатирически раскрывается в письме «О некоторой заразной болезни» Сумарокова, которое «в жанровом отношении... приближается к полуфантастической новелле» (Стенник 1985, 207). В нем утверждается, что подьяческие крючки ведут свое начало

от крючков черта, оставшихся от него, когда тот провалился в преисподнюю. Именно эти чертовы крючки и привели к заразной болезни, называемой акциденцией, «а бредни в болезни сей по происхождению своему названы крючками. Теми крючками вытаскивают черти у худых людей души, а сими вытаскивают подьячие у добрых людей деньги» [ср. с этим поговорку «Приказный черту брат»] (Русская литература XVIII века 1979, 238). Подьячие, таким образом, оказываются страшнее черта, так как приносят зло людям «добрым», то есть его не заслуживающим. Следуя своей сатирической логике, Сумароков и подьяческую манеру письма увязывает с бесовским наследием и видит в ней действенное средство для вымогательства взятки: «По сей же причине подьячие литер никогда равно не ставят, но всегда крючками. От сего литера Р с большим ставится крюком и в подьяческих названиях так употребляется, да и названия их без сия литеры не бывают, ибо это их герб. Подьячие одним пишут почерком литеры, связывая для того, чтобы и в том больше крючков было, и для умножения оных крючков часто литеры вверх кидают. Точек и запятых не ставят они для того, чтобы слог их темнее был, ибо в мутной воде удобнее рыбу ловить» (там же, 239). Так, факт, только отмеченный Кантемиром, получает у Сумарокова обличительное истолкование.

Русская литература XVIII в. содержит немало примеров подьяческого крючкотворства. Это и ловкий обход конкретного закона, как в одном из писем

«Адской почты» Ф. Эмина (1769), в котором показана вся механика действий секретаря, за неплохую мзду нарушающего указ о запрете продажи крепостных для отдачи в рекруты (там же, 347–348). Это и составление нарочито двусмысленного документа, когда он пишется «прямо подьяческим слогом и все в нем можно толковать двояко» (Новиков 1951, 225); и составление длинного экстракта [краткое изложение дела либо выписка из него. – *И.К.*], в котором из-за многословного и путаного описания трудно выразуметь суть дела:

Из дела выписки, во четверти земли,
 Подьячий нагрузит врак целы корабли,
 И разум в деле том он весь переломает;
 Поймешь ли ты, чего он сам не понимает?
 <...>
 Экстракт тебя одной замучит долгою...
 (Сумароков 1957, 188)

Это и приискание законного обоснования незаконному делу, как это делает подьячий Взяткин из комической оперы Горчакова «Баба-Яга» (1788), объясняющий свое беззаконие личной корыстью:

Ибо указ мы туда пригибаем,
 Где б от него нам покормка была;
 Точию то мы одно наблюдаем,
 Чтобы по форме текли все дела.
 (цитируется по: Берков 1977, 267)

Примером подьяческого крючкотворства может служить и составленная секретарем Обираловым фальшивая «выпись», на основании которой бывший купец, а ныне офицер Богатов «будет просить дворянства» (комедия «Перемена в нравах»).

В текстах XVIII в. отражены и такие подьяческие беззакония, как лжесви-

детельство, донос и противоправное содержание невиновных людей под арестом. В одном из «Писем к наборщикам» Ржевского (1761–1763) рассказывается о трагической судьбе старой женщины-просвири, которую по наущению судьи оклеветал подьячий, «будто она печет изо пшеничной муки пироги, а продает их за крупчатые, в чем свидетельствуется подьячим, и другим подьячим, и еще подьячим». После допросов на съезжей отказывающуюся признать свою «вину» «бедную просвирию кошками до тех пор секли, что она кричать перестала, и после посадили ее опять в тюрьму, и опять хочет сечь ее, и опять в тюрьму посадить, если она не повинится; а если повинится, то сошлет ее в розыскной приказ» (Русская литература XVIII века 1979, 300, 301). В комедии Веревкина «Точь-в-точь» отмечен схожий факт: воевода Трусицкой и канцелярист Удальцов «ни за што, ни про што, пота [до тех пор. – *И.К.*] держут маломощных людей в тюрьме, пока не оберут как липочку» (Веревкин 1785, II, 5). Сажает под арест за мнимые преступления крестьянина Власа, чтобы жениться на его дочери, и «сельский подьячий» из комической оперы Нехачина «Неудачливый в любви подьячий» (1795).

Описанию подьяческого крючкотворства нередко сопутствует мотив абсурдного искажения истины, здравого смысла. Так, он использован Сумароковым в «Эпитафии подьячому» (1756):

Подьячий здесь лежит, который дело знал:
Что прямо, то кривил, что криво – поправлял...

(Муза пламенной сатиры 1988, 60)

Этот же мотив – у Горчакова в комической опере «Баба-Яга» в репликах Митрофана и Власа, обращенных к подьячому Взяткину:

Митрофан. Ну как ты по праведному
указу неправду сделаешь?

Влас. Да! да! Мы сами грешные люди:
сделаешь неправду, ну да она
и есть неправда, а вы как-то
кривду-то правдой делаете?

(цитируется по: Берков 1977, 267)

Вариация этого мотива – в басне Ф. Эмина «Подьячий и Портной» (1764). Когда «превысокий» подьячий, принеся к портному «два аршина сукна, которое получил от некоторого челобитчика», приказывает ему «сделать из оногo сукна кафтан, камзол и штаны», тот отвечает: «Я подьячим никогда не бывал, чтоб из малого делать большее. Это вам только прилично, чтоб из того дела, которое бы могло быть заключено в нескольких страницах, делать две или три тетради, чтоб вам челобитчик за труды заплатил побольше...» (Повести разумные и замысловатые 1989, 52).

Обличение крючкотворства подьячих было особенно актуальным, учитывая размеры лихоимства в российском государстве. Объясняя слово «крючок» в «Опыте вещественного русского словаря», неизвестный автор констатирует: «Ныне и крючки уже вывелись, а пошли все багры» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 168).

ЛИТЕРАТУРА

- Берков 1977 – Берков П. Н., *История русской комедии XVIII в.*, Ленинград, 1977.
- Веревкин 1785 – Веревкин М. И., *Точь в точь. Комедия в трех действиях. Сочиненная в Синбирске*, С.-Петербург, 1785.
- Волков 1788 – *Чадолюбие, комедия в одном действии*, Александра Волкова, Москва, 1788.
- Лотман 1997 – Лотман Ю. М., *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века)*, С.-Петербург, 1997.
- Муза пламенной сатиры 1988 – *Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина*, Москва, 1988.
- Павленко 1999 – Павленко Н. И., *Екатерина Великая*, Москва, 1999.
- Перемена в нравах 1789 – *Перемена в нравах, комедия в двух действиях*, Москва, 1789.
- Повести разумные и замысловатые 1989 – *Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века*, Москва, 1989.
- Русская басня 1966 – *Русская басня*, Москва, 1966.
- Русская литература XVIII века 1970 – *Русская литература XVIII века* / Сост. Г. П. Макогоненко, Ленинград, 1970.
- Русская литература XVIII века 1979 – *Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия* / Сост. В. А. Западов, Москва, 1979.
- Русская литература последней четверти XVIII века 1985 – *Русская литература последней четверти XVIII века: хрестоматия* / Сост. В. А. Западов, Москва, 1985.
- Русская сатирическая проза XVIII века 1986 – *Русская сатирическая проза XVIII века: Сборник произведений* / Сост. Ю. В. Стенник, Ленинград, 1986.
- Русские драматурги 1959 – *Русские драматурги. XVIII век. Т.1*, Ленинград – Москва, 1959.
- Новиков 1951 – *Сатирические журналы Н. И. Новикова*, Москва – Ленинград, 1951.
- Стенник 1985 – Стенник Ю. В., *Русская сатира XVIII века*, Ленинград, 1985.
- Стихотворная комедия 1990 – *Стихотворная комедия, комическая опера, водевилль конца XVIII – начала XIX века. Сборник: Т.1*, Ленинград, 1990 (Библиотека поэта. Большая серия).
- Сумароков 1957 – Сумароков А. П., *Избранные произведения*, Ленинград, 1957 (Библиотека поэта. Большая серия).
- Сумароков 1990 – Сумароков А. П., *Драматические сочинения*, Ленинград, 1990.
- Философы по неволе 1787 – *Философы по неволе, комедия в трех действиях*, Москва, 1787.

XVIII AMŽIAUS VALDININKĖLIO RAŠTININKO TIPAS RUSŲ LITERATŪROJE

Irina Kulikova

Santrauka

Valdininkėlis raštininkas (podjakis) – vienas iš pagrindinių XVIII a. rusų literatūros satyrinių personažų. Pirmoje straipsnio dalyje analizuojami du svarbiausi jo tipologiniai bruožai – kyšininkavimas ir kanceliarinis

vilkinimas. Šis satyrinis tipas nustatomas A. Sumarokovo, F. Emino, A. Ablesimovo, M. Popovo, M. Veriovkino, M. Matinskio, N. Strachovo, N. Novikovo bei kitų autorių įvairių žanrų kūrinuose.

Получено: 2007, август
Принято: 2007, август

Адрес автора:
Вильнюсский педагогический университет
Кафедра русской литературы
ул. Студенту, 39
LT-08106 Вильнюс
E-mail: Kulikovadm@gmail.com